

М. Н. Суворов

БОЛЬШАЯ ПРОЗА ЙЕМЕНА В 70–80-х ГОДАХ XX в.¹

К началу седьмого десятилетия XX в. йеменская художественная проза, в которой во время происходил переход от просветительства и романтизма к социальному реализму, почти не знала еще произведений больших жанров: романов, повестей, многоактных пьес. Создание же после бурных революционных событий предыдущего десятилетия двух независимых национальных государств: Йеменской Арабской Республики (Северный Йемен) и Народной Демократической Республики Йемен (Южный Йемен) и последующая стабилизация в них социально-политической обстановки, несомненно, подтолкнули йеменских прозаиков к попытке осмыслить прошлое и настоящее страны, изобразить национальную судьбу в произведениях больших жанров.

В 1970–1980-е гг. в обоих йеменских государствах отдельными изданиями вышло более полутора десятка романов, повестей и многоактных пьес. При этом только два автора: Мухаммед Абд аль-Вали и Зейд Муты́ Даммадж — сумели создать в этой сфере произведения, соответствующие уровню развития литературы более передовых в этом отношении арабских стран. Все же остальное свидетельствовало об отсталости художественного сознания авторов, отсутствии у них литературного опыта либо вообще литературных способностей. Египетский критик Абд аль-Хамид Ибрахим писал: «Хотя йеменскими авторами написано много романов, эти романы нельзя считать действительным искусством, поскольку они отличаются слабостью повествовательной манеры и стремлением к простому изложению событий» [1, с. 9]. Это мнение критик высказал в 1976 г., но его можно распространить и на остальные романы рассматриваемого периода, которые вышли позже.

Поскольку крупные прозаические произведения требуют, как правило, изображения широкого социального контекста, обладающего достаточной степенью достоверности, неудивительно, что большинство йеменских авторов предпочитали писать о дореволюционном времени. Только в дореволюционном времени они легко находили необходимый им для сюжета общественный конфликт, действительно существовавший или созданный как миф более поздними идеологами, соответствующих положительных и отрицательных героев и, наконец, возможность выразить однозначное отношение — как правило, общепринятое — к описываемым событиям. Послереволюционная действительность в этом смысле для честного автора была не только гораздо более сложной, но и достаточно опасной темой, поскольку критический взгляд на текущую ситуацию в стране автоматически превращал писателя в политического оппозиционера и навлекал на него гнев властей, как это было, например, с Мухаммедом Абд аль-Вали.

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 08-03-12129в, проект «Создания научно-образовательного информационного ресурса “Современное востоковедение” и сети дистанционного обучения восточным языкам и дисциплинам востоковедения» (2008–2010 гг.).

© М. Н. Суворов, 2011

Особенно строгой идеологической цензурой была в НДРЙ, где государственной идеологией стал марксизм. От авторов требовалось изображение дореволюционных социальных конфликтов как классового, которой в ее классическом смысле в Йемене не существовало. Писать о том, чего не существовало, было, естественно, сложно. В немногих появившихся образцах большой прозы НДРЙ «классовый» конфликт принимал форму традиционных всем понятных конфликтов — из-за земельной собственности или из-за девушки, но между персонажами, которых автор относил к антагонистическим классам и бесхитростно наделял противоположными личными качествами. Так, шаблонной парой антагонистов в этих сочинениях стали коварный «феодал-угнетатель» в лице шейха или султана и просвещенный, добродетельный, революционно настроенный молодой человек, обладающий к тому же классовым сознанием. Процесс формирования классового сознания героя либо изображался крайне неубедительно, либо вообще оставался за рамками повествования. Столь же неправдоподобно в роли тиранов выглядели шейхи и султаны, бывшие в реальности представителями семей, традиционно славившихся своим благородством и чувством справедливости. В результате всего этого из-под пера южнойеменских авторов вышло несколько, если можно их так назвать, «идеологически-просветительских сказок», по своему художественному уровню почти не отличавшихся от произведений просветительской прозы предыдущего периода. Неправдоподобие сюжетов и образов в этих «сказках» щедро компенсировалось обилием второстепенных этнографических деталей, дотошным описанием едва ли не каждого телодвижения персонажей и длинными неестественными диалогами. Указанные черты присущи всем без исключения произведениям большой прозы НДРЙ того времени: романам «Горы Радфана» (1976) Хусейна Мусейбли, «Путь облаков» (1977), «Плавание на борту Красавицы» (1984) и «Девушка с гор» (1988) Хусейна Басыддика, пьесам «Дочь ад-Даудахи» (1977) и «Мансур аль-Мансур» (1977) Абд аль-Маджида аль-Кады, повести «Селение, которое мечтает» (1984) Ахмеда Фад'ака [2–7].

В ЙАР, где писатели не испытывали столь сильного идеологического давления со стороны властей, большая проза получила большее развитие, чем в НДРЙ, и в сюжетно-художественном отношении была более многообразной. Одним из первых ее образцов стал роман «Борьба со смертью» (1970) Абд ар-Рахима ас-Сабаляни, представляющий собой наукообразную хронику последних предреволюционных лет, для увлекательности разбавленную бесхитрым любовным сюжетом [8]. Подобно ливанским просветителям, писавшим в конце XIX в., ас-Сабаляни явно считал историю источником назидания, на что намекает и подзаголовок его сочинения: «Нравоучительный исторический социально-политический художественный роман, действие которого происходит в Йемене в период с 1956 по 1962 г.». Даже оформление издания романа демонстрирует преобладание научных склонностей автора над художественными. Так, книга снабжена большим количеством фотографий политических деятелей того времени, а в начале повествования автор приводит перечень всех действующих лиц с указанием их рода занятий, племенной и территориальной принадлежности и политических убеждений, делящихся на четыре вида: реакционер, консерватор, конформист и человек прогрессивных убеждений.

Следующий роман, «Сана — открытый город» Мухаммеда Абд аль-Вали [9], о котором мы уже подробно писали ранее [10], был издан лишь в 1977 г., а вслед за ним вышел роман Махмуда ас-Сагыри «Старая гавань» (1978) [11]. Действие романа ас-Сагыри происходит в Ходейде, родном городе писателя, в конце 1950-х годов. Точно так же, как

это сделал в своем романе Абд аль-Вали, Махмуд ас-Сагыри представил мозаику персонажей и судеб, призванную передать общественную атмосферу Йемена тех лет, а также пролить свет на некоторые события предшествующего периода в истории страны. Хотя отдельные персонажи романа получились довольно колоритными, их роль в развитии действия сведена почти к нулю. Практически каждого из них можно изъять из романа без особого ущерба для сюжета. Они лишь рассказывают о своих судьбах, позволяя автору донести до читателя его собственный взгляд на историю страны. Эти судьбы представляют собой фактически самостоятельные сюжеты, не пересекающиеся между собой и почти не имеющие отношения к главной сюжетной линии — сближению бродячего торговца Бараката с хаджи Асадом, участником провалившегося государственного переворота 1948 г. В целом разрозненные биографии персонажей романа и их малосодержательные затянутые диалоги так и не смогли составить сколько-нибудь выразительную картину жизни ни провинциальной Ходейды того времени, ни Йемена вообще.

Еще менее удачным оказался роман «Пристанище попрошаек» (1979) Абд аль-Ваххаба ад-Даурани, также уроженца Ходейды [12]. Автор, уже опубликовавший к тому времени два сборника довольно слабых в художественном отношении рассказов, попытался написать роман о жизни представителей социального дна. В предисловии к своему сочинению он указывал, что оно «является реалистическим романом, опирающимся на происходившие когда-то реальные события, в которых изменены некоторые факты, образы персонажей и эпизоды» [12, с. 5]. Действие романа, как говорится в том же предисловии, происходит в заброшенных развалинах на окраине Ходейды, служащих местом ночлега для нищих и бездомных. Собственно, лишь это указание в предисловии и неуместно процитированные в самом романе заголовки газетных статей дают привязку действия к месту и времени — Ходейде начала 70-х гг. Повествование представляет собой описание жизни группы нищих попрошаек, столь схематичное и неправдоподобное, что у читателя возникает неизбежный вопрос: о каких собственно реальных событиях автор говорил в предисловии? Разговоры попрошаек друг с другом — единственное в романе, что могло бы пролить свет на сущность их взаимоотношений, — настолько бессмысленны, что делают эти взаимоотношения еще более непонятными. Роман полон абсолютно бессмысленных «лишних» эпизодов, провалов и обрывов в сюжетных линиях, откровенных натяжек и нестыковок. У читателя создается впечатление, что автор не имел ни малейшего представления о жизни тех, о ком писал, и буквально высасывал свой сюжет из пальца.

Успешнее с задачей изображения типичных йеменских судеб в контексте жизни до-революционного Йемена справился Мухаммед Хунейбар, автор романа «Селение Аль-Батуль» (1979) [13]. Герой романа, выросший в северойеменской провинции, с детских лет в полной мере познал нищету и тиранию власти, выражавшуюся в принудительных работах в пользу армии имама, тогдашнего правителя страны. Когда солдаты забили до смерти его отца, молодой человек, покинув мать и жену, отправился на заработки в Аден. В Адене он провел несколько лет, работая в кофейне своего односельчанина-эмигранта, а затем устроился кочегаром на английское судно. Все десять лет службы на судне большую часть заработанных денег он отсылал родным; то, что ему удалось скопить, ушло на дно вместе с потерпевшим кораблекрушение судном. Потеряв источник заработка, герой обосновался в Судане, где община йеменских эмигрантов помогла ему найти работу. Только через несколько лет он снова смог устроиться работать моряком.

За пятнадцать лет странствий герой так и не увидел родившегося в его отсутствие в Йемене сына. Йеменцы с Юга и Севера страны, с которыми его сводит судьба, подробно рассказывают о собственных злоключениях на родине и в эмиграции. У одного местный султан обесчестил сестру, из-за чего та покончила собой, другого шейх обманом лишил земли, семья третьего бежала из селения, спасаясь от эпидемии. Автор романа, таким образом, пытался — с явным предубеждением в отношении традиционных институтов власти — показать типичные жизненные обстоятельства, в которых оказывались йеменцы в те годы. В то же время роман «Селение Аль-Батуль» имеет ряд черт, сближающих его с прозой просветительского периода. Так, образы всех персонажей статичны, а их внутренний мир изображен писателем очень схематично, через их крайне сентиментальные повествования, изобилующие подробностями, не свойственными реальному живому рассказу. Личные качества и убеждения главного героя автор никак не обосновывал его жизненным опытом. Герой то высказывает неизвестно откуда почерпнутые им революционные идеи, то пропагандирует традиционные ценности, в частности ценность семьи, благодаря которой человек якобы обретает смысл жизни. Его неизвестно откуда появившийся дар убеждения заставляет окружающих мгновенно отказываться от целей, которые они до этого преследовали в течение долгих лет. Диалоги героев зачастую надуманны, затянуты, порой даже слабо связаны с основной линией повествования, что, несомненно, было следствием недостаточного литературного опыта автора.

Довольно широкую картину жизни Йемена до и сразу после революции удалось представить Мухаммеду Мусанне в романе «Весна в горах» (1983) [14]. Действие романа происходит во второй половине 60-х гг. в охваченном гражданской войной Северном Йемене. Повествование ведется от лица главного героя — молодого человека, который после учебы в Египте вернулся в Йемен и занял должность начальника одного из почтовых отделений Саны. Из Саны герой совершает поездки к своим родителям в Ходейду, а также в отдаленное горное селение, на родину своего старшего друга Хизама Тарбуша. Во время этих поездок молодой человек вспоминает свое детство, беседует с местными жителями о событиях прошлых лет, наблюдает послереволюционные изменения в сознании людей. Проблемы йеменцев в эмиграции, страдания оставленных ими дома семей, нищета, невежество и апатия, царившие до революции в йеменской провинции, — все это предстает в воспоминаниях многих персонажей романа.

Одним из основных вопросов в романе является вопрос о смысле человеческой жизни в контексте судьбы его Родины, поставленный еще в творчестве Мухаммеда Абд аль-Вали. Ответ на этот вопрос предстает в рассуждениях и жизненном опыте Хизама Тарбуша, который, по сути дела, и является центральной фигурой повествования. Большой ценитель жизни, любитель вина и женщин, большую часть своей жизни Хизам Тарбуш провел в эмиграции. Он работал на фабрике в Джибути, с началом Второй мировой войны вместе с женой хозяина фабрики, ставшей его любовницей, уехал в Италию, поступил на службу в итальянскую армию и воевал в Греции, дезертировал, бежал во Францию, там влюбился в английскую разведчицу и под ее влиянием вступил в ряды французского Сопротивления. Вернувшись в Йемен после революции 1962 г., Хизам Тарбуш, которому уже перевалило за пятьдесят, поначалу попивает виски, предается ностальгическим воспоминаниям о своей жизни за границей, об оставшихся там иностранных подругах. Размышляя о прожитых годах, он начинает понимать бессмысленность своей жизни, проведенной вдали от родины. Постепенно, наблюдая, как

молодые ребята отдадут свои жизни, чтобы защитить революцию, Хизам начинает задумываться о своей роли в судьбе страны. Он устал воевать, но понимает, что победа революции означает обретение родины тысячами таких же скитальцев, как он сам. В конце концов, Хизам вступает в ряды революционного ополчения и во время семидневной осады Саны монархистами гибнет вместе с юными бойцами, защищавшими город. Именно эти юные бойцы и олицетворяют для писателя весну, пришедшую в горы многострадального Йемена.

Следующий по времени публикации североиеменский роман — это «Заложник» (1984) Зейда Муты' Даммаджа, ставший фактически единственным произведением йеменской прозы, получившим известность не только в арабском мире, но и за его пределами [15]. Поскольку роман был уже нами рассмотрен в статье, посвященной творчеству Даммаджа [16], здесь мы останавливаться на нем не будем.

К большой прозе ЙАР можно отнести и пьесы Мухаммеда аш-Шарафи, известного поэта и радиожурналиста [17–19]. Написанные в просветительской манере, эти пьесы были посвящены критике архаичных традиций, невежества, женского бесправия, социально-культурной отсталости страны в годы правления имамов. Так, пьеса «Йемен — это другое дело» (1984), действие которой происходит в североиеменской провинции до революции, посвящена проблеме социальной стратификации, а точнее одному из ее печальных проявлений — невозможности заключения браков между представителями разных общественных сословий. В основу сюжета пьесы «Теленок в животе имама» (1988) лег реальный эпизод из дореволюционной истории Йемена: расправа имама Яхьи с либеральной оппозицией в ходе организованной им кампании по очистке страны от ведьм, превращающих людей в животных. В пьесе «Покойный не умер» (1988) в карикатурном виде представлена работа органов правосудия в йеменской провинции до революции. В пьесе «Учитель» (1988), действие которой происходит уже после революции, автор затрагивает сразу несколько социально-культурных проблем страны: незавидное положение интеллигенции, особенно школьных учителей, женское бесправие, пагубное пристрастие йеменцев к кату².

Историю и культуру Йемена попытался сделать основными темами своего романа «Заботы деда Каусама» (1988) Ахмед Мусанна, поэт и публицист, родной брат упомянутого выше Мухаммеда Мусанны [20]. В основу сюжета романа легли личные впечатления автора как участника кампании по переписи населения, впервые проводившейся в Северном Йемене в начале 70-х годов. Герой романа, от лица которого ведется повествование, приезжает во главе группы переписчиков в родное селение, расположенное в одном из районов Тихамы, где им предстоит работать. Собственно действия в романе почти нет; даже подробности работы переписчиков упоминаются лишь мимоходом. Роман представляет собой смесь воспоминаний и философских размышлений героя, рассказов местных жителей о прошлом, разговоров переписчиков об истории, культуре, науке и политике. Публицистические склонности автора выступают на протяжении всего повествования настолько явно, что создается впечатление, будто он собирался донести до читателя все свои познания о современном мире. Так, абсолютно неуместными выглядят пространные и довольно наивные рассуждения переписчиков о происхождении арабского языка, сущности национально-освободительных войн, о классовой и

² Кат (*Catha edulis*) — растение легкого наркотического свойства, жевание листьев которого в компании друзей является в Йемене своеобразной социальной привычкой, основным способом социализации.

экономической теориях, понятиях свободы и демократии в их историческом развитии. Наибольший же интерес в романе представляют рассказы людей о жизни в Тихаме до революции: о нищете, эпидемиях и предрассудках, о массовой эмиграции, произволе имамских властей. Сопоставляя прошлое и настоящее, автор явно стремился показать читателю, насколько важны произошедшие за послереволюционные годы перемены к лучшему, дающие, по его мнению, надежду на еще большие перемены в будущем.

Практически лишенным какого-либо социально-исторического подтекста оказался роман известного поэта и публициста Йахьи Али аль-Ирйани «Руины и цветы» (1988), сюжет которого, хотя и построенный по схеме приключенческого романа, навеивает на читателя скуку [21]. Действие романа развивается как в сельской местности Северного Йемена, так и в столице, что само по себе давало автору возможность представить достаточно широкую картину жизни страны. В романе, однако, нет ни этой картины, ни настоящей интриги, ни вообще какой-либо ясной идеи. Жизненный путь главного героя предстает как последовательность случайных событий, а его образ, как и образы других персонажей, абсолютно безлик. Многие персонажи, и даже целые сюжетные линии исчезают из повествования столь же внезапно, сколь и появляются. Иначе, чем показательным образцом графомании, этот очень большой по объему роман назвать невозможно.

Не намного удачнее аль-Ирйани сумел вписать социально-исторический контекст в сюжет своего второго романа «Длинные сцены из повести» (1989) [22]. Действие происходит в Санае в конце гражданской войны, когда предпринимавшиеся воюющими сторонами шаги к примирению воспринимались многими как предательство идеалов революции. Главный герой романа, журналист с левыми убеждениями, с грустью взирает на происходящее. Собственно этим чувством грусти и ограничивается связь героя с указанным контекстом. Его личная жизнь, которой автор уделяет наибольшее внимание, не имеет к общественным реалиям никакого отношения и предстает последовательностью случайных и не очень правдоподобных событий. Две основные сюжетные линии: связь героя с бывшей любовницей его отца и его конфликт с матерью — выглядят не только надуманными, но и совершенно бессмысленными во всех отношениях. Даже попытка героя написать пьесу, казалось бы задающая в начале романа дальнейший курс развития сюжета, остается нереализованной, лишь позволяя автору романа наполнить повествование малопонятными рассуждениями анонимных персонажей этой пьесы.

Завершая этот обзор большой прозы Йемена 70–80-х гг. прошлого века, стоит отметить, что все романы, повести и пьесы тех лет относились к разряду социально-бытовых или социально-политических. Совершенно не было романов любовно-психологических или исторических, достаточно характерных для новой и новейшей литературы Египта, Сирии и Ливана. Это имеет простое объяснение. Фактически ни один из йеменских авторов не получил классического мусульманского образования, позволяющего с легкостью обращаться к историческим темам; изучать же историю специально с целью написания большого произведения у них, очевидно, не было ни желания, ни времени. Любовная же тема не получила сколько-нибудь заметного развития по той причине, что психология любовных отношений продолжала оставаться для йеменских авторов столь же незнакомой сферой, сколь для йеменского общества, отличающегося особой консервативностью, сами любовные отношения.

Литература

1. *Ибрахим Абд аль-Хамид*. Аль-Кысса аль-йаманиййа аль-му'асыра (1939–1976) (Современный йеменский рассказ (1939–1976)). Бейрут, 1977.
2. *Мусейбли Хусейн*. Муртафа'ат Радфан. (Горы Радфана). Аден, 1976.
3. *Басыддик Хусейн*. Тарик аль-гуйум (Путь облаков). Бейрут, 1977.
4. *Басыддик Хусейн*. Аль-Ибхар 'аля матн хасна' (Плавание на борту «Красавицы»). Бейрут, 1984.
5. *Басыддик Хусейн*. 'Азра' аль-джабаль (Девушка с гор). Аден, 1988.
6. *аль-Кады Абд аль-Маджид*. Бинт ад-Даудахи. Аль-Фата Мансур аль-Мансур (Дочь ад-Даудахи. Мансур аль-Мансур). Бейрут, 1977.
7. *Фад'ак Ахмед*. Аль-Карйа алляти тахлюм (Селение, которое мечтает). Б.м., б.г.
8. *ас-Сабаляни Абд ар-Рахим*. Мусара'ат аль-маут (Борьба со смертью). Таизз, 1970.
9. *Абд аль-Вали Мухаммед*. Сан'а' мадина мафтуха (Сана — открытый город). Бейрут, 1978.
10. *Суворов М. Н.* Несчастливая Аравия Мухаммада Абд ал-Вали (новая проза Йемена) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 1. С. 104–118.
11. *ас-Сагыри Махмуд*. Аль-Мина' аль-кадим (Старая гавань). Дамаск, 1978.
12. *ад-Даурани Абд аль-Ваххаб*. Маджма' аш-шаххазин (Пристанище попрошак). Каир, 1979.
13. *Хунейбар Мухаммед*. Карйат аль-Батуль (Селение Аль-Батуль). Каир, б.г.
14. *Мусанна Мухаммед*. Раби' аль-джабаль (Весна в горах). Аден, 1983.
15. *Даммадж Зейд Муты'*. Ар-Рахина (Заложник). Бейрут, 1984.
16. *Суворов М. Н.* Творчество «самого йеменского» прозаика Зейда Муты Даммаджа // Востокведение. Вып. 27. СПб., 2006. С. 157–182.
17. *аш-Шарафи Мухаммед*. Ва-ли-ль-Йаман хикайа ухра (Йемен — это другое дело). Аден, 1984.
18. *аш-Шарафи Мухаммед*. Аль-'Иджль фи батн аль-имам ва-масрахиййа ухра (Теленок в животе имама и еще одна пьеса). Багдад, 1988.
19. *аш-Шарафи Мухаммед*. Аль-Мархум лям йамут ва-масрахиййа ухра (Покойный не умер и еще одна пьеса). Багдад, 1988.
20. *Мусанна Ахмед*. Хумум аль-джадд Каусам (Заботы деда Каусам). Бейрут, 1988.
21. *аль-Ирйани Йахйа Али*. Рукам ва-захр (Руины и цветы). Бейрут, 1988.
22. *аль-Ирйани Йахйа Али*. Макаты' тавиля мин аль-хикайа (Длинные сцены из повести). Багдад, 1989.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.